

DOI 10.25587/SVFU.2018.9.11681
УДК 398.22(=511.112)=03.511.1

В. П. Миронова
Карельский научный центр РАН

ПЕРЕВОДЫ «КАЛЕВАЛЫ» НА МЛАДОПИСЬМЕННЫЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Аннотация. На протяжении многих лет интерес к изучению различного рода эпосов не угасает, а скорее усиливается, поскольку именно они являются уникальными явлениями не только фольклора, но и литературы. Устные эпосы сохранили в себе мифическую традицию, бытовавшую много веков назад. Во многих культурах собственно эпосу принадлежит роль некой основы идентитета, вокруг которого позже зарождались и получили свое развитие национальная живопись, музыка, театр. Эпос, приобретая письменную форму, становился тем фактором, который не только объединял народ, но и служил основой для формирования его литературного языка и его литературы в целом. Подобная роль в карельской и вепсской культуре принадлежит и переводам эпоса «Калевала».

Актуальность представленного исследования определяется необходимостью освещения возникших проблем перевода карело-финского архаичного эпоса «Калевала» на младописьменные прибалтийско-финские языки: вепсский и карельский.

Основной целью является изучение всех имеющихся в нашем распоряжении вариантов перевода и его соотношение с текстом оригинала. Материалом для исследования служат собственно карело-финский эпос «Калевала» (оригинал), а также вепсский вариант перевода в его сокращенном виде и два карельских варианта перевода. В ходе предпринятого анализа рассмотрено, как авторам переводов удалось (или не удалось) сохранить основные художественно-стилевые особенности эпического текста и какие сложности возникали в ходе проделанной работы. В частности, описано, каким образом происходил поиск лексики, которая адекватно отображала бы оригинальный текст. Изучение опирается на структурно-семантический метод, позволяющий выявить в тексте элементы поэтики, а также на сравнительно-сопоставительный анализ, используемый для изучения вариативности рассматриваемых отрывков текста. Проведенное исследование наглядно демонстрирует, что при переводе архаичного эпоса различные элементы его поэтики могут представлять собой определенную сложность даже в том случае, когда речь идет о переводе на близкородственные языки. Автор должен не только хорошо владеть своим языком или наречием, на которые переводится текст эпоса, но и ему необходимо учитывать этнокультурное содержание текста.

Ключевые слова: фольклор, карельские эпические песни, карело-финский эпос, переводы «Калевалы», «Калевала» на вепсском языке, «Калевала» на собственно карельском наречии карельского языка, «Калевала» на ливвиковском наречии карельского языка, калевальский размер, аллитерация, адекватный перевод.

Благодарности: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (проект № АААА-А18-118030190094-6).

V. P. Mironova

“Kalevala” translations into newly scripted Balto-Finnic languages

Abstract. For many years there has been no loss of but even, vice versa, a rising interest in the study of various epics, for they are the phenomena unique not only for the folklore but for the literature, too. Oral epics have preserved the mythical tradition from centuries back. In many cultures, it is the epic that acts as a kind of the basic

МИРОНОВА Валентина Петровна – к. филол. н., с. н. с. сектора фольклористики Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: tutkija@mail.ru

MIRONOVA Valentina Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Folklore sector, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

E-mail: tutkija@mail.ru

identity around which the national fine arts, music, theatre have then been coming to life and evolving. Taking written form, the epic turned into a factor that not only united the nation, but also served as the foundation for the formation of its literary language and literature in general. This is the role played in the Karelian and Veps culture by translations of the “Kalevala” epic.

The relevance of this study stems from the demand for publicizing the problems arising around the translation of the archaic Karelian-Finnish epic “Kalevala” into newly scripted Balto-Finnic languages: Veps and Karelian.

The main aim is to study all the available translations and their agreement with the original text. The material for the study is the original Karelian-Finnish epic “Kalevala” as well as its abridged Veps-language translation and two Karelian-language translations. It was analyzed how much the authors of the translations managed (or failed) to preserve the key artistic and stylistic features of the epic text, and the challenges they encountered in this effort. In particular, the search for the vocabulary to adequately render the original text was described. The study employs the structural-semantic analysis, which permits identifying elements of the poetic manner, as well as the method of comparison and collation, which investigates the variation of fragments of the text. The study has vividly demonstrated that for a translator of an archaic epic, various elements of its poetics can be quite challenging even when the translation is into a close cognate language. The author is supposed to not only have mastery of their own language or dialect into which the epic is being translated, but also take into account the ethnocultural content of the text.

Keywords: folklore, Karelian epic songs, Karelian-Finnish epic, translations of “Kalevala”, “Kalevala” in the Veps language, “Kalevala” in the Karelian Proper dialect of the Karelian language, “Kalevala” in Livvi Karelian, Kalevala meter, alliteration, adequate translation.

Acknowledgements: The financial support for the research was carried out from the federal budget for the fulfillment of the state order (project № AAAA-A18-118030190094-6).

Введение

Карело-финский эпос «Калевала», созданный Элиасом Леннротом на основе карельских традиционных эпических песен и впервые увидевший свет в 1835 г., в настоящее время представлен уже на 59 различных языках мира. Начиная с 1990-х гг. было издано более десяти довольно редких с языковой точки зрения переводов: на арабский, вьетнамский, каталонский, персидский, словенский, тамильский, фарерский, хинди и др. языки. Последний перевод названного культурного памятника, подготовленный Вальтером Арнольдом на одном из диалектов швейцарского языка, был опубликован в Хельсинки в 2017 г. В контексте всех имеющихся иноязычных вариантов «Калевалы» переводы на русский, английский, немецкий и венгерский языки являются не только самыми многочисленными, но и наиболее ранними, сыгравшими огромную роль в пропаганде эпоса в различных странах мира. Во многом именно переводы послужили прототипом для фиксаций собственных памятников фольклора у многих народов. Помимо языкового многообразия, обращает на себя внимание и широкий спектр имеющихся видов этого фольклорного памятника: доступны поэтические и прозаические тексты «Калевалы», а также сокращенные варианты и адаптированные для детской аудитории пересказы, книги комиксов по мотивам эпоса и т. д.

Литературные переводы карело-финского эпоса на младописьменные прибалтийско-финские языки: карельский и вепсский, появились достаточно поздно, лишь в начале XXI в. Вероятно, данное обстоятельство, с одной стороны, обусловлено тем, что карельский и вепсский языки долгое время существовали лишь в устной форме. Напомним попутно, что становление карельской и вепсской письменности приходится лишь на конец 1980 – начало 1990-х гг. [1, с. 342-343]. Однако, с другой стороны, на наш взгляд, отсутствовала острая необходимость иметь тексты литературных произведений и фольклорных памятников на родном языке (будучи билингвами, практически все карелы и вепсы во второй половине XX в. имели возможность прочитать их в переводе на русский язык). Кроме того, традиционная духовная культура была тем фактором, который слабо влиял на внутреннюю монолитность карельского этноса [2, с. 148].

Новая волна подъема национального самосознания и поиска собственной идентичности, наступившая в начале XXI в., побудила исследователей и писателей обратиться к истокам своей традиционной культуры и заняться литературным творчеством, в т. ч. переводами эпоса «Калевала». Перед авторами стояла непростая задача: несмотря на то, что финский, карельский и вепсский языки являются языками близкородственными и имеют широкий пласт схожей

лексики, необходимо было представить свои, отличающиеся от оригинала переводы. Широкое использование диалектных слов, характерных для карельских и вепсских фольклорных текстов, поэтических формул и клише способствовало появлению новых вариантов текста всемирно известного литературного памятника на младописьменных прибалтийско-финских языках.

Следует также учитывать, что авторам переводов приходилось работать с очень древней поэзией: среди всех известных героических эпосов разных народов карело-финский эпос «Калевала» по своей типологии считается одним из самых архаичных. Необходимо было, по возможности, сохранить специфику духовного мира древнего памятника, особенности его языка и образной системы. Особо следовало обратить внимание на лексику, поскольку современный карельский и вепсский языки значительно отличаются от языка «Калевалы», большая часть слов трудна для понимания современному читателю. Глубокое осмысление текста, поиск правильных соответствий и минимальная его модернизация – комплекс задач, которые необходимо было решить авторам в ходе работы над переводами.

Перевод «Калевалы» на вепсский язык

Первый перевод «Калевалы» на младописьменном прибалтийско-финском языке появился в 2002 г. Издание вышло на вепсском языке, его автором стала Н. Г. Зайцева, языковед, доктор филологических наук, имеющая наряду с лингвистическими исследованиями свои собственные литературные произведения, а также и некоторые переводные публикации стихов и прозы. Основой для вепскоязычного перевода послужило сокращенное финско-русское издание эпоса для детей и молодежи, подготовленное в 1999 г. Э. С. Киуру и А. И. Мишиным [3]. По мнению автора вепского перевода, погружение в мир архаичных рун «Калевалы» вызвало у нее определенные трудности [4, с. 368-378]. Высокая табуированность эпоса вынуждала Н. Г. Зайцеву обратиться к поиску вепсских эвфемизмов, подходящих словоформ, наиболее характерных для своего языка и культуры. К примеру, для наименования терминов родства в вепсском варианте перевода в некоторых случаях использовались метафорические замены, получившие широкое распространение в прибалтийско-финских причитаниях (*kandjaihudem* – *меня выносившая*=*мать*). Для сохранения свойственных карельскому эпосу калевальской метрики¹ и аллитерации активно применялась асемантическая лексика или определенные слова-вставки, которых нет в оригинальном тексте эпоса.

Рис. 1. Издание эпоса «Калевала» в переводе на вепсский язык Н. Г. Зайцевой (2003 г.)

¹ Для калевальской метрики характерен 8-сложный стих: «tu-li kol-me mand-oi vas-tah» – «увидела три землянички», с хорейской стопой (близкой к 4-стопному хорю).

Следует заметить, что в вепсской устно-поэтической традиции не сохранились (или не бытовали) народные эпические песни, вследствие этого у автора не было возможности ориентироваться на какие-либо примеры из фольклорных источников данного жанра. Н. Г. Зайцевой, вероятно, пришлось опираться на финноязычную версию «Калевалы». Несмотря на это, в вепсском варианте перевода эпоса нет прямого копирования, автор каждый раз находит новые приемы передачи повествования.

В качестве примера представим зачин, 4 первых стихов эпоса, в первом случае – финноязычный вариант «Калевалы»:

*Mieleni minun tekevi,
Aivoni ajattelevi,
Lähteäni laulamahan,
Saa'ani sanelemahan.*

[3, с. 10]

Мной желанье овладело,
Мне на ум явилась дума:
Дать начало песнопенью,
Повести за словом слово.

[3, с. 10]

Во втором – вепсский вариант того же самого зачина:

Minun mel'he himo tuli (8)
Tahtol sütuškanzi südäin – (8)
Mändä pajod pajatamha (8)
Pajolangat levitämhä. (8)

[5, с. 5]

Мне на ум явилась дума,
Сердце желаньем овладело,
Начать петь песню,
Раскрутить песенную нить.

[Пер. наш]

Во избежание дословного копирования финского текста, Н. Г. Зайцева использует в вепскоязычном варианте рассматриваемого мотива семантический эквивалент, который, сохраняя параллельные строки, не меняет общего смысла текста и не модернизирует повествование, но, несомненно, делает его более выразительным: *Pajolangat levitämhä* (вепс.) ‘раскрутить песенную нить’ вместо *Saa'ani sanelemahan* (фин.) ‘Повести за словом слово’ или букв.: начать свои слова говорить. Схожие приемы автор использует на протяжении всего перевода.

Сравнительный анализ финского и вепсского отрывков на уровне поэтических и стилистических особенностей показывает, что автор в вепскоязычном варианте эпоса пытается сохранить калевальскую метрику, каждый стих в представленном отрывке имеет четырехстопную структуру (в скобках отмечено число слогов в стихе). Причем, сохранение калевальской метрики в вепсском тексте практически всегда происходит за счет увеличения количества слов в стихе. Обусловлено это особенностью исторического развития вепсского языка, в котором довольно много коротких слов, возникших за счет отпадания конечных гласных звуков [6, с. 761-762]. Этот факт, несомненно, явился еще одним препятствием для сохранения правильного «калевальского» стиха. В финском тексте, напротив, используются сложные словоформы, образованные при помощи агглютинации, присоединения различных суффиксов к основе слова: *Lyökämme käsi kätehen* (фин.) ‘Подадим друг другу руки’; *Minun käzi – sinun kädes* (вепс.) ‘Моя рука – твоя рука’.

По возможности, Н. Г. Зайцева стремится соблюдать и аллитерацию (она выделена в тексте жирным шрифтом). Рассматривая приведенный выше пример, заметим, что в финноязычном варианте аллитерации подвержены оба слова стиха, в вепскоязычном созвучными становятся лишь два слова стиха из трех, причем, первый и четвертый стих не имеют никакой аллитерации. Подобная картина наблюдается на протяжении всего рассматриваемого перевода. Применительно к карельской эпической поэзии в целом, аллитерация – довольно распространенный стилистический прием, лишь 20 % от всего объема зафиксированных стихов калевальской метрики не аллитерировано [7, с. 205]. Отметим попутно, что прием аллитерации наиболее распространен в тех языках, где начальное ударение падает на первый слог. В прибалтийско-финских языках ударение фиксированное и всегда находится на первом слоге, вследствие чего использование данного стилистического приема в целом получило широкое бытование в народной поэзии, в т. ч. вепсской. Согласно выводам ученых, аллитерация может выполнять

техническую роль в стихе: она ограничивает выбор слов, связывает их воедино, чем облегчает запоминание. Кроме того, приему принадлежит и музыкальная функция [8, с. 21-22].

Строго следовать этим определенным правилам на протяжении всего повествования достаточно сложно. Неким возможным препятствием для автора, возможно, послужило недостаточное владение широким кругом вепсской устно-поэтической лексики. Рассмотрим, к примеру, мотив создания мира. В первоначальном финском варианте картина поиска уткой места для высиживания яиц выглядит следующим образом:

Tuo *sotka*, *sorea* lintu, (7)
Keksi polven *veen emosen*, (8)
Luuli heinä~~mättä~~häksi, (8)
*tuore*heksi *turpe*heksi, (8)
peähän polven laskeuvi, (8)
siihen laativi pesänsä, (8)
muni kultaisen *munansa* (8)
kuusi kultaista munoa, (8)
rautamunan seitsemännen. (8)

[3, с. 14]

Утка, стройное создание,
Видит среди волн колено,
Приняла его за кочку,
Бугорок травянистый,
На колено опустилась,
Сделала себе жилище,
Чтобы в нем снести яички:
Шесть из золота яичек,
К ним седьмое – из железа.

[3, с. 14]

Вепсский вариант того же самого эпизода эпоса:

Neče sor-zut, čoma lindut (8)
Homaiči kesk lainhid kombun, (8)
Lugi kombun heinä~~mä~~thaks, (8)
Torheks **top**haks heinäsižeks. (8)
Kombun päle laskihe se, (8)
Sädi sille čoman pezan, (8)
Muni munid kuldažit hän. (8)
Kuldaspäi kuz' munad tegi, (8)
Seičemenden – raudasižen.(8)

[5, с. 10]

Эта утка, красивая птица,
Приметила средь волн колено,
Приняла его за бугорок,
За сырую травяную кочку.
На колено опустилась,
Свила она себе гнездо,
Там снесла золотые яички.
Шесть из золота яичек,
А седьмое – из железа.

[Пер. наш]

В финском варианте предложенного отрывка каждый второй стих подвержен аллитерации, в вепсском созвучной является лишь третья часть стихов.

Таким образом, вепсский перевод, подготовленный Н. Г. Зайцевой, в целом сохраняет присущую эпосу калевальскую метрику за счет использования большего количества слов в стихе и в некоторой степени стремится поддерживать аллитерацию. В отличие от оригинала, в вепсском тексте в меньшем количестве используются архаичные словоформы, текст более приближен к современному разговорному языку. С одной стороны, этот факт делает повествование более понятным, с другой – несколько упрощает и модернизирует его. В этой связи, на наш взгляд, нельзя полностью согласиться с заключением, к которому пришел сам автор перевода. В частности, Н. Г. Зайцева отмечает, что в выборе лексики при переводе «Калевалы» не было особых затруднений, поскольку «жизнь героев, их быт, их земледельческие работы, строительство лодки, их одежда – все это было в духе жизни древних вепсов» [4, с. 377]. Однако язык представленного перевода, на наш взгляд, не в полной мере отражает архаичное миропонимание вепсов.

Перевод «Калевалы» на карельский язык¹

Спустя семь лет, в 2009 г. вышел в свет перевод «Калевалы» на ливвиковском (южнокарельском) наречии карельского языка, подготовленный учителем одной из сельских школ, автором лирических стихотворений и переводчиком духовной литературы З. Т. Дубининой. Основой

¹ До настоящего времени в Республике Карелия не существует единого литературного карельского языка. В этой связи литературное творчество представлено работами на двух основных наречиях: ливвиковском (южнокарельском) и собственно карельском (севернокарельском).

данного издания послужила полная версия эпоса, насчитывающая 50 рун. Значительный объем текста, наличие в ней большого количества архаичной лексики, необходимость соблюдения определенного стихотворного размера, поэтических и стилистических особенностей обуславливали тот факт, что работа проводилась в течение длительного времени, практически 20 лет.

Рис. 2. Издание эпоса «Калевала» в переводе на ливвиковское наречие карельского языка
З. Т. Дубининой (2009 г.)

В 2015 г. полная версия эпоса «Калевала» была издана на собственно карельском (северно-карельском) наречии карельского языка. Его автором стала Р. П. Ремшуева, фольклорист, переводчик духовной литературы, дочка известной севернокарельской сказительницы Сандры Ремшуевой. Работа над данным вариантом перевода, который также был основан на полной версии эпоса, продолжалась в течение 10 лет.

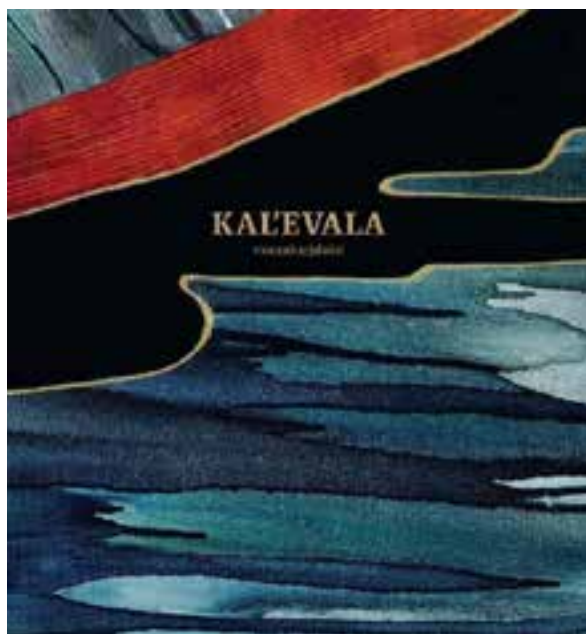

Рис. 3. Издание эпоса «Калевала» в переводе на севернокарельское наречие карельского языка
Р. П. Ремшуевой (2015 г.)

На территории Карелии эпические песни на различные сюжеты были распространены как у северных, так и у южных карелов. Причем, Элиас Леннрот, работая над «Калевалой», был знаком с рунами, которые были зафиксированы именно в северной ее части. На территории Южной Карелии вплоть до середины XX в. бытовала самобытная эпическая традиция со своим кругом сюжетов. Таким образом, каждый из переводчиков имел возможность познакомиться с подлинными эпическими песнями, исполняемыми на их наречии. Эти тексты, несомненно, оказали огромную помощь в работе над переводами.

В целом, переводы на разные наречия карельского языка значительно разнятся между собой и каждый, в свою очередь, имеет отличия от текста оригинала. Представим в качестве примера зачин ливвиковского и собственно карельского варианта перевода в сравнении с оригиналом:

Южнокар.	Севернокар.	Фин.	Перевод на русс.
<i>Mieli minulleni kääsköy,</i> (8)	<i>Mieleni minun luajittauve,</i> (8)	<i>Mieleni minun tekevi,</i> (8)	Мной желанье овладело,
<i>Duumaine piäh moine tuli,</i> (8)	<i>Aivoini ajattelouve,</i> (8)	<i>Aivoni ajattelevi,</i> (8)	Мне на ум явилась дума:
<i>Ruveta pajattamah, (7)</i>	<i>Lähtiekseni laulamahe,</i> (8)	<i>Lähteäni laulamahan, (8)</i>	Дать начало песнопенью,
<i>Runoloi sanelemah. (7)</i>	<i>Šuavani šanelomahe. (8)</i>	<i>Saa'ani sanelemahan. (8)</i>	Повести за словом слово,
<i>Suguvirty suoldamah, (7)</i>	<i>Šukuvirtta šuoltamahe, (8)</i>	<i>Sukuvirtta suoltamahan, (8)</i>	Песню племени пове- дать.
<i>Roduvirty laulamah. (7)</i>	<i>Lajivirtta laulamahe. (8)</i>	<i>Lajivirtta laulamahan. (8)</i>	Рода древнего преданье.
<i>Sanaizet suus suletah, (7)</i>	<i>Šanat šuuššani šulauve (8)</i>	<i>Sanat suussani sulavat, (8)</i>	На язык слова приходят,
<i>Paginaizet pakutah, (7)</i>	<i>Pakinat pujahtelouve, (8)</i>	<i>Puhet putoelevat, (7)</i>	На уста мои стремятся.
<i>Kielen n'okas lähtietäh, (7)</i>	<i>Kielelläni kerkielöyve, (8)</i>	<i>Kiellelleni kerkiävät, (8)</i>	С языка слова слетают,
<i>Hammaskeskis hajotah. (7)</i>	<i>Hampahilla hajjuolouve. (8)</i>	<i>Hampahilleni hajjoovat. (8)</i>	Рассыпаются речами.
[9, с. 9]	[10, с. 19]	[11, с. 10]	[11, с. 10]

В данном случае севернокарельский перевод зачина эпоса мало чем отличается от «калевальского» текста, маркером перевода становятся используемые Р. П. Ремшуевой характерные для своего наречия грамматические формы: *ajattelouve* (севернокар.) вместо *ajattelevi* (фин.), *lähtiekseni* (севернокар.) вместо *lähteäni* (фин.) и т. д. Заметим также, что и в тексте оригинала, и в переводе на данное наречие сохраняются и калевальский размер (характерный 8-сложник), и прием аллитерации. Автор следует подобным правилам на протяжении всего варианта перевода.

Наибольшие различия выявляются в южнокарельском переводе, где автор не стремится сохранить присущую эпосу калевальскую метрику и практически не использует аллитерацию. Причем, подобная закономерность характерна и для всего южнокарельского варианта перевода в целом. При дальнейшем знакомстве с текстом замечаем, что в целом лишь 2 стиха из 10 подвержены аллитерации. Отсутствие созвучия внутри поэтической строки, на наш взгляд, лишает повествование характерной для эпоса музыкальности. Причем, в традиционных южнокарельских эпических песнях стилистический прием аллитерации отмечается постоянно. Выявлены случаи полной аллитерации, когда все слова в стихе созвучны, обычно из 3-4 слов стиха созвучны 2 (редко 3) слова. Кроме того, встречаются постоянные аллитерационные пары или даже цепочки [12; 13, с. 152]. Однако З. И. Дубининой при работе над своим переводом не удалось приблизиться к народной традиции.

Отдельно следует сказать о метрике южнокарельского варианта перевода: поэтический стих анализируемого текста более свободный, может содержать от 6 до 8 слогов. Данная тенденция

не идет в разрез с народной традицией: анализ южнокарельских эпических песен показывает, что в отличие от севернокарельских рун, южнокарельские эпические песни более свободны при стихосложении: стих может меняться за счет уменьшения или увеличения слогов, использования большого количества многосложных слов или различных форм слова [12].

Выбор лексики при переводе

Важная роль в обеспечении адекватности перевода принадлежит выбору лексики. Автор каждый раз создает текст, который в конечном итоге должен представить полноценную замену оригинала на язык перевода. Причем, предлагаемый текст в равной степени должен наряду с содержанием передавать и художественные особенности первоначального текста. В данной работе каждый из переводчиков пошел, как нам кажется, по своему пути. К примеру, Р. П. Ремшуева во избежание нарушения некоего единого стиля в своем севернокарельском переводе широко использует архаичные, в настоящее время уже вышедшие из употребления слова. Причем, пояснения к подобной лексике можно найти в предложенном переводчиком небольшом словаре. З. И. Дубинина, автор южнокарельского перевода, напротив, избегает устаревшего лексикона и зачастую использует в тексте русскоязычные заимствования. К примеру, в предложенном повествовании встречается слово *duumaine* в значении «мысль, дума», хотя носителям южнокарельского наречия знакомо слово *ajatus*, использование которого, безусловно, сделало бы перевод наиболее удачным. Подобных примеров русскоязычных заимствований достаточно много: *dovariššu* ‘товарищ’, *vessel* ‘веселый’, *tusku* ‘тоска’, *luaskavembi* ‘поласковой’ и т. д. Во многих случаях можно было бы избежать употребления этих слов. Рассмотрим следующий пример:

Южнокар.	Севернокар.	Фин.	Перевод на русс.
Hyvä sinun rinnal istuu, Ruskeirožaine da ravei. [9, с. 253]	Tytär riški rinnallaš, Veroväini viereššäš. [10, с. 255]	Tytär riski rinnallasi, Vereväinen vieressäsi. [11, с. 280]	Славная – с тобою рядом, Краснощекая под боком. [11, с. 280]

В южнокарельском варианте перевода З. И. Дубинина заменила эпитет *vereväinen* (фин.) ‘краснощекая’ на *ruskeirožaine* с аналогичным значением. Выбранное автором сложное слово состоит из двух основ: *ruskei* (кар.) ‘красный’ и *roža* (заим. из русс.) ‘лицо, рожа’. Причем, второе слово во многих случаях приобретает некий негативный оттенок. Между тем, в южнокарельских эпических песнях о сватовстве при описании невесты активно используется эпитет *vereväine* ‘полнокровная’, *punovaine* ‘румяная, краснощекая’ [13, с. 172]. В этой связи в данном контексте, несомненно, необходимо было употребить слово, встречающееся в фольклорных текстах, что дало бы возможность уйти от не вписывающегося в эпический контекст некоего нового эпитета.

На наш взгляд, использование русскоязычных заимствований влечет за собой утрату метафоричности, присущей языку эпоса в целом. Как справедливо отмечает Э. Г. Карху, «профессиональная изобретательность и мастерство должны проявлять себя в строгих границах эпического стиля» [14, с. 124]. Выход за рамки этого стиля в данном случае не уместен.

Наряду с этим в южнокарельском переводе эпоса у З. И. Дубининой встречаются и свои находки. В некоторой степени они схожи с поэтическими приемами, которые использует в своем вепском тексте Н. Г. Зайцева. В данном случае речь идет о замене терминов родства некими метафорическими конструкциями. К примеру, вместо севернокарельского и финского *neiti kirkas* ‘светлая девица’ З. И. Дубинина использует устойчивое и часто встречающееся в фольклорных текстах, в частности в причитаниях, словосочетание *kaunis kanaine* ‘красивая курочка’, которое как нельзя лучше характеризует невесту.

Подбор лексики играет также немаловажную роль в соблюдении еще одной из ключевых особенностей архаичного эпоса – параллелизма, функция которой была направлена на привлечение внимания слушателя к описываемой картине. В традиционной карельской эпической песне параллелизм конкретизирует, уточняет отдельные моменты повествования, дает новые штрихи к описанию, делает стиль песни более четким [15, с. 13]. Подобные повторы использовали широкий спектр лексики не только различных наречий карельского языка, но и его

диалектов. Однако авторы рассматриваемых переводов не всегда последовательны в употреблении данного приема:

Южнокар.	Севернокар.	Фин.	Перевод на русс.
Nämis sanois Väinämöine, Äijäl suutui da paheldui. [9, с. 31]	Šiitä siäntyi Väinämöini, Šiitä šintyi ta häpesi. [10, с. 40]	Sittä suutui Väinämöine, Siitä suutui ja hapesi. [11, с. 40]	Прогневался Вайнямейнен, Прогневался, устыдился. [11, с. 40]

В переводе Р. П. Ремшуевой параллель сохранена за счет синонимичных глаголов, З. И. Дубинина, напротив, дает свою версию, в которой параллелизм полностью отсутствует. В целом, в южнокарельском переводе эпоса явление параллелизма сохранено в меньшей степени, как, впрочем, и в традиционных эпических песнях, что, вероятно, можно связать с угасанием эпической традиции и утратой исполнителями мастерства [13, с. 159].

Сравнивая два карельских варианта перевода «Калевалы», следует отметить, что севернокарельская версия наиболее удачна в художественно-стилевом отношении. Несомненно, свою роль сыграло то, что ее автор Р. П. Ремшуева была хорошо знакома с образцами устного народного творчества и традиционной культуры карелов в целом, и, значит, находилась в наиболее выгодном положении. Кроме того, исследовательский опыт, вероятно, вынуждал автора скрупулезнее подходить к выбору лексики и словоформ.

Заключение

Таким образом, в настоящее время мы имеем три перевода эпоса «Калевалы» на младописьменных прибалтийско-финских языках (один на вепсском и два на карельском). В целом, их появление, в первую очередь, свидетельствует о жизнеспособности этих языков и наречий, и возможности появления на ней разного рода литературы.

В научных кругах и среди общественности возникла дискуссия о необходимости и целесообразности переводов «Калевалы» на младописьменные прибалтийско-финские языки, поскольку они (карельский, вепсский языки) являются близкородственными по отношению к финскому, на котором эпос и был создан. В данном случае, несомненно, нужно осознавать, что появление фольклорного памятника на родном наречии, как, впрочем, и любого другого произведения, наглядно демонстрирует развитие языка, в некоторой степени – возможность создания единого литературного карельского языка с опорой на народные наречия и народную культуру. Подобный процесс в XIX в. переживала финская нация, для которой появление «Калевалы» на финском языке стала стимулом для роста национального самосознания и культурного самоутверждения.

Издание переводов «Калевалы» на вепсском языке, ливвиковском и собственно карельском наречии карельского языка стали возможными благодаря поддержке финляндских фондов. Вепсский вариант финансировался культурным фондом «Юминкеко» (г. Кухмо, Финляндия), ливвиковский – Обществом карельского языка (г. Йоенсуу, Финляндия), собственно карельский – Карельским просветительским обществом (г. Хельсинки, Финляндия). Таким образом, были объединены усилия карелов, проживающих по обе стороны границы.

Эпос «Калевала», созданный по преимуществу на основе карельских рун, для карелов и вепсов является не только фольклорным и культурным памятником, но и служит неким звеном, объединяющим их со своим прошлым. Переводческая работа дает возможность осознать опыт предшественников, погрузиться в архаичную культуру, а вместе с тем и обогатить развивающиеся младописьменные наречия карельского языка (ливвиковский и собственно карельский), а также вепсский язык новыми словами и понятиями.

Литература

1. Ковалева С. В., Родионова А. П. Развитие новописьменного карельского языка в современных условиях // Язык и общество в современной России и других странах: доклады и сообщения Международной конференции (г. Москва, 21-24 июня 2010 г.). – М.: Тезаурус, 2010. – С. 342-343.

2. Клементьев Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии // Труды КарНЦ РАН. № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 3. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. – С. 144-152.
3. Леннрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Сокращенный вариант / Пер. А. Мишина и Э. Киуру. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. – 583 с.
4. Зайцева Н. Г. «Калевала» и вепсский язык: некоторые проблемы семантики и грамматики в контексте перевода // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы Международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 368-378.
5. Kalevala lapsile i norištöle / Vepsäks on kändnu Nina Zaiceva. – Petroskoi: Periodika, 2003. – 163 s. (на вепском яз.)
6. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria (Suomalaisen kirjallisuuden seuran Toimituksia; No. 228). – Helsinki, 1946. – 922 s. (на финском яз.)
7. Kuusi M. Kalevalaisen runon alkusointuudesta // Virittäjä. – 1953. No. 198. – S. 198-221. (на финском яз.)
8. Leino P. Strukturaalinen alkusointu Suomessa. – Helsinki: Forssan Kirjapaino OY, 1970. – 322 s. (на финском яз.)
9. Kalevala / Kiändanyh Zinaida Dubinina. – Helsinki: Karjalan kielen seura, 2009. – 512 s. (на карельском яз.)
10. Kal'evala vienankarjalakši / Kiäntäjä Raisa Remšujeva. – Helsinki: Karjalan Šivistyšseura, 2015. gy. 2015. – 526 s. (на карельском яз.)
11. Леннрот Э. Калевала: Эпическая поэма на основе древних рун и финских народных песен / Пер. Э. Киуру и А. Мишина. – Петрозаводск: Карелия, 1998. – 583 с.
12. Эпические песни Южной Карелии = Aunuksenkarjalazien eepizet pajot / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Миронова. – Петрозаводск: Периодика, 2006. – 446 с.
13. Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции. – Петрозаводск: Периодика, 2016. – 224 с.
14. Карху Э. Г. От рун к роману. – Петрозаводск: Карелия, 1978. – 333 с.
15. Saarimaa E. A. Kielen ja tyylin alalta. Kalevalan kielisestä kauneudesta. – Porvoo: WSOY, 1925. – 213 s. (на финском яз.)

References

1. Kovaleva S. V., Rodionova A. P. *Razvitie novopis'mennogo karel'skogo yazyka v sovremennykh usloviyakh* [The development of new written Karelian language in the modern world]. In: *Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugikh stranakh: doklady i soobshheniya Mezhdunarodnoj konferentsii (g. Moskva, 21-24 iyunya 2010 g.)* [Language and society in modern Russia and other countries: reports and communications of the International conference (Moscow, June 21-24, 2010)]. Moscow, Tezaurus, 2010, pp. 342-343.
2. Klement'ev E. I. *Fakторы etnicheskoy identichnosti na primere karelov Karelii* [Factors of ethnic identity on the example of Karelian Karelia]. In: *Trudy KarNTS RAN. № 4. Seriya Gumanitarnye issledovaniya. Vyp. 3* [Proceedings of Karelian research centre of RAS. No. 4. A series of Humanities research. Vol. 3]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj tsentr RAN, 2012, pp. 144-152.
3. Lennrot E. Kalevala. *Ehpicheskaya poema na osnove drevnikh karel'skikh i finskikh narodnykh pesen. Sokrashchennyy variant* [Kalevala. An epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs. Abridged version] / Per. A. Mishina i E. Kiuru. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 1999, 583 p.
4. Zajtseva N. G. *“Kalevala” i vepsskij yazyk: nekotorye problemy semantiki i grammatiki v kontekste perevoda* [“Kalevala” and Veps language: some problems of semantics and grammar in the context of translation]. In: *“Kalevala” v kontekste regional'noj i mirovoj kul'tury: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj 160-letiyu polnogo izdaniya “Kalevaly”* [“Kalevala” in the context of regional and world culture: materials of International Scientific Conference devoted to the 160th anniversary of the full edition of “Kalevala”]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj tsentr RAN, 2010, pp. 368-378.
5. *Kalevala lapsile i norištöle* [Kalevala for children and youth] / *Vepsäks on kändnu Nina Zaiceva*. Petrozavodsk, Periodika, 2003, 163 p. (In Veps lang.)

6. Tunkelo E. A. *Vepsän kielen äänehistoria (Suomalaisen kirjallisuuden seuran Toimituksia; No. 228) [The story sounds Veps language (The Finnish literature society ordinances; No. 228)]*. Helsinki, 1946, 922 p. (In Finnish lang.)
7. Kuusi M. *Kalevalaisen runon alkusointusuudesta [Alliteration of Kalevala epic songs]*. In: *Virittäjä* [Tuner]. 1953, No. 198, pp. 198-221. (In Finnish lang.)
8. Leino P. *Strukturaalinen alkusointu Suomessa [Structural alliteration in Finland]*. Helsinki, Forssan Kirjapaino OY, 1970, 322 p. (In Finnish lang.)
9. *Kalevala [Kalevala] / Kiändanyh Zinaida Dubinina*. Helsinki, Karjalan kielen seura, 2009, 512 p. (In Karelian lang.)
10. *Kal'evala vienankarjalaksi [Kalevala in the dialect of North Karelia] / Kiäntäjä Raisa Remšujeva*. Helsinki, Karjalan Šivistyššëura ry, 2015, 526 p. (In Karelian lang.)
11. Lennrot E. *Kalevala: Epicheskaya poema na osnove drevnikh run i finskikh narodnykh pesen [The Kalevala: an Epic poem based on ancient runes and Finnish folk songs] / Per. E. Kiuru, A. Mishina*. Petrozavodsk, Kareliya, 1998, 583 p.
12. *Epicheskie pesni Yuzhnoj Karelii = Aunuksnkarjalazien eeppizet pajot [Epic songs of South Karelia] / Sost., avt. vstup. st., komment. i per. V. P. Mironova*. Petrozavodsk, Periodika, 2006, 446 p.
13. Mironova V. P. *Syuzhet o svatovstve v mificheskoy strane Kijtole v kontekste karel'skoj epicheskoy traditsii [A story about courtship in the mythical country Hithole in the context of the Karelian epic tradition]*. Petrozavodsk, Periodika, 224 p.
14. Karkhu E. G. *Ot run k romanu [From epic songs to the novel]*. Petrozavodsk, Kareliya, 1978, 333 p.
15. Saarimaa E. A. *Kielen ja tyylin alalta. Kalevalan kielisestä kauneudesta [About language and style. About the beauty of the language of the Kalevala]*. Porvoo, WSOY, 1925, 213 p. (In Finnish lang.)

